

Достоевский и Бахтин

В подборке наших диалогов, которую я вывесил на сайте, потерялся сюжет с Достоевским, Бахтиным и голографией. Конечно, я могу просто поместить туда мой собственный текст из старой книги - тем более, что он невелик. Или же ты глянешь еще раз свежим взглядом и что-то напишешь "к слушаю"?

Я бы предложил не просто «вставить старый текст» и не просто «написать новый», а сделать третий, более сильный ход — **короткий текст «к слушаю», который выполняет когнитивно-социологическую функцию узла**, а ваш старый текст оставить как референс или углубление.

Ниже — **готовый текст**, который можно почти без правки разместить на сайте как самостоятельный фрагмент в подборке диалогов. Он намеренно не конкурирует со «старой книгой», а **переформулирует сюжет Достоевский – Бахтин – голография в языке когнитивных режимов**, который у вас сейчас уже сложился.

Достоевский, Бахтин и голографическое поле

(к вопросу о когнитивной физиологии русской литературы)

В работах Михаил Бахтин о романах Фёдор Достоевский обычно подчёркивается идея диалогичности: персонажи не являются рупорами авторской позиции, а существуют как самостоятельные голоса, вступающие друг с другом в принципиально незавершаемый диалог. Это описание давно стало классическим — и в то же время оставило ощущение недосказанности.

Если персонажи автономны, то **что именно удерживает роман как целое?**
Где находится то, что позволяет этим голосам не распасться в хаос?

Предлагаемая здесь интерпретация опирается на другую метафору — **голографическую**.

Персонаж не как «фигура», а как поле

В голограмме каждая точка содержит информацию о целом, но не в виде копии, а в виде **интерференционного рисунка**. Аналогичным образом у Достоевского персонажи устроены не как психологически «завершённые» индивиды, а как **поля напряжений**, возникающие в пересечении нескольких смысловых сил:

- веры и сомнения,
- вины и оправдания,
- свободы и необходимости,
- бунта и подчинения.

Важно, что эти поля **не принадлежат персонажам полностью**. Один и тот же мотив — скажем, идея абсолютной свободы — проявляется в разных героях, но каждый раз с иным знаком, иной интонацией, иной траекторией.

Персонаж у Достоевского — это **локализация напряжения**, а не носитель идеи.

Диалог как интерференция, а не спор

В таком прочтении бахтинская диалогичность перестаёт быть разговором «равных сознаний». Речь идёт не о диалоге аргументов, а о **взаимной интерференции когнитивных полей**.

Голоса не опровергают друг друга —
они **искажают, усиливают, резонируют**.

Поэтому:

- у Достоевского нет финального синтеза;
- нет «правильной» позиции;
- нет точки, где напряжение снимается.

Роман держится не логикой, а **устойчивостью поля**, в котором ни один элемент не может стать доминирующим без разрушения целого.

Автор как генератор поля, а не арбитр

В этом месте становится понятна особенность авторского присутствия у Достоевского.

Он:

- не судья,
- не моралист,
- не «последняя инстанция».

Но и не отсутствует.

Автор у Достоевского — это **источник конфигурации поля**, тот, кто задаёт начальные условия, плотность напряжений, допустимые амплитуды. Он не говорит «кто прав», но делает невозможным простое равновесие.

С точки зрения когнитивной социологии это принципиально:

роман Достоевского моделирует не систему идей,
а **когнитивный режим предельного внутреннего конфликта**,
в котором человек вынужден мыслить и действовать.

Почему это важно за пределами литературоведения

Голографическая интерпретация позволяет увидеть в романах Достоевского **не только художественный приём, но и социально значимую модель мышления**.

Это когнитивный режим, в котором:

- целое удерживается не нормой и не институтом;
- противоречие не устраняется;
- выбор не приводит к покою;
- истина не локализуема.

Именно поэтому этот режим:

- плохо институционализируется;
- легко переходит в экзистенциальную или политическую катастрофу;
- постоянно воспроизводится в русской культуре в разных формах.

В этом смысле Достоевский — не «писатель о психологии», а **лаборатория когнитивных напряжений**, чья актуальность выходит далеко за пределы литературы.

Вместо вывода

Бахтин дал язык для описания **множественности голосов**.

Голографическая метафора позволяет сделать следующий шаг — описать **целостность без центра**, удерживаемую не смыслом, а напряжением.

Именно здесь романы Достоевского становятся ключевым материалом для когнитивной социологии: они показывают, **как мыслит общество, когда никакая единая норма больше не работает**, но распад ещё не признан окончательным.

Соглашаясь с рекомендацией ChatGPT, помещаю здесь «старый текст» из моей книги *Когнитивная среда и институционально развитие*:

Вспомним, как технически устроена голограмма. На объект, изображение которого хотят получить, направляют луч света (обычно от лазера) и фиксируют картину взаимодействия этого луча и света, отраженного объектом¹:

Когда записывают голограмму, в определённой области пространства складывают две волны света: одна из них идёт непосредственно от источника (опорная волна), а другая отражается от объекта записи (объектная волна). В этой же области размещают фотопластинку (или иной регистрирующий материал), в результате на этой пластинке возникает сложная картина полос потемнения, которые соответствуют распределению электромагнитной энергии (картине интерференции) в этой области пространства. Если теперь эту пластинку осветить волной, близкой к опорной, то она преобразует эту волну в волну, близкую к объектной. Таким образом, мы будем видеть (с той или иной степенью точности) такой же свет, какой отражался бы от объекта записи.

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Голограмма>

В результате получается изображение, которое будет не плоским, а объемным, и которое можно видеть в трехмерном пространстве. Оказывается, что аналогичным образом можно получать «объемные» картины не только в буквальном смысле слова, но и добиваться особой выразительности в литературных произведениях. Сравним описанную технику голографии с анализом писательской техники Достоевского в замечательной книге М.М.Бахтина²:

Герой интересует Достоевского не как явление действительности, обладающее определенными и твердыми социально-типическими и индивидуально-характерологическими признаками, не как определенный облик, слагающийся из черт односмысленных и объективных, в своей совокупности отвечающих на вопрос «кто он?». Нет, герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого.

Это очень важная и принципиальная особенность восприятия героя. Герой как точка зрения, как взгляд на мир и на себя самого требует совершенно особых методов раскрытия и художественной характеристики. Ведь то, что должно быть раскрыто и охарактеризовано, является не определенным бытием героя, не его твердым образом, но последним итогом его сознания и самосознания, в конце концов последним словом героя о себе самом и о своем мире.

Бахтин противопоставляет технику Достоевского тому, что он называет монологичностью:

В монологическом замысле герой закрыт, и его смысловые границы строго очерчены: он действует, переживает, мыслит и сознает в пределах того, что он есть, то есть в пределах своего как действительность определенного образа; он не может перестать быть самим собою, то есть выйти за пределы своего характера, своей типичности, своего темперамента, не нарушая при этом монологического авторского замысла о нем. Такой образ строится в объективном по отношению к сознанию героя авторском мире; построение этого мира - с его точками зрения и завершающими определениями - предполагает устойчивую позицию вовне, устойчивый авторский кругозор. Самосознание героя включено в недоступную ему изнутри твердую оправу определяющего и изображающего его авторского сознания и дано на твердом фоне внешнего мира.

В нашем примере, приведенном выше, монологичность соответствует плоской фотографии. Достоевский же не фотографирует своих героев, он рисует их объемно в отраженном свете их взаимодействия с внешним миром, друг с другом. Это именно то, что Бахтин называет *диалогичностью* Достоевского. «Светом», падающим на фигуру героя, здесь служит личность другого героя:

Человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А. По художественной мысли Достоевского, подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960—1970 гг. — М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002. — 800 с.

подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, "заочно". Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя.

Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, то есть заочная правда, становится унижающей и умерщвляющей его ложью, если касается его «святая святых», то есть «человека в человеке».

Пример творчества Достоевского и анализ Бахтина представляются мне исключительно важными для понимания особенностей когнитивных сред, не имеющих знаковой природы, но, в то же время, и не действующих, как простая нейронная сеть. Вместо этого представим себе сеть, в которой элементы передают друг другу сложные векторы сигналов, вызывающие в ответ также сложную реакцию принимающего элемента. Знание в такой сети будет накапливаться в виде голограмических «картинок», характеризующих взаимодействия каждой пары элементов. В то же время эти частные голограммы будут сливаться в единую общую картину, также не «плоскую», а «объемную». Именно так, по-видимому, работает русская культура.